

Красная Армия в Европе в 1945 году*

Старые и новые стереотипы восприятия
в России и на Западе

Елена Сеньявская

В январе-феврале 1945 г. советские войска вступили на немецкую землю.

День, которого так долго ждали, наступил.

Жажда мести врагу «в его собственном логове» была одним из доминирующих настроений в войсках, тем более что оно долго и целенаправленно подпитывалось официальной пропагандой.

Задолго до того как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были – не могли не быть – психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял своих родных и свои дома.

Акты мести были неизбежны. И нужно было прилагать специальные усилия, чтобы не допустить их широкого распространения.

19 января 1945 г. Сталин подписал специальный приказ «О поведении на территории Германии», который гласил: «Офицеры и красноармейцы! Мы идем в страну

СЕНЯВСКАЯ Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры истории России Новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук, E-mail: senyavsky@mtu-net.ru

Ключевые слова: Вторая мировая война, Красная Армия, 1945 г., Германия, гражданское население, антироссийские мифы, тема насилия.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

противника. Каждый должен хранить самообладание, каждый должен быть храбрым... Оставшееся население на завоеванных областях, независимо от того немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоеванной территории не позволятся половые связи с женским полом. За насилие и изнасилования виновные будут расстреляны».

Приказ был доведен до каждого солдата. В его дополнение и развитие командование и политорганы фронтов, объединений и соединений составляли соответствующие документы.

Это были установки армии-победительницы, а вот как планировала свои действия Германия на оккупированных территориях в 1941 г.

По рецептам доктора Геббельса

Одним из самых распространенных антироссийских мифов на Западе сегодня является тема массовых изнасилований, якобы совершенных Красной Армией в 1945 г. в Европе. Свое начало он берет еще с конца войны – из геббельсовской пропаганды, а затем из публикаций бывших союзников по антигитлеровской коалиции, вскоре превратившихся в противников СССР в холодной войне.

2 марта 1945 г. в своем дневнике министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс писал: «...фактически в лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно вызывают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от десяти до 70 лет. Кажется, что это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему. Против этого мы развернем теперь широкую кампанию внутри страны и за границей»¹. 13 марта появляется новая запись: «В войне на востоке будут теперь руководствоваться только одним чувством — чувством мести. Сейчас уже все соотечественники верят в то, что большевики совершают зверства. Нет больше человека, который игнорировал бы наши предостережения»¹. 25 марта: «Опубликованные сообщения о советских зверствах повсеместно вызвали гнев и жажду мести»¹.

Позднее помощник рейхскомиссара Геббельса доктор Вернер Науман признается: «Наша пропаганда относительно русских и того, что населению следует ожидать от них в Берлине, была так успешна, что мы довели берлинцев до состояния крайнего ужаса», но «перестарались – наша пропаганда рикошетом ударила по нам самим»². Немецкое население давно было психологически подготовлено к образу по-зверинному жестокого «недочеловека» и готово было поверить в любые преступления Красной Армии³.

«В атмосфере ужаса, на грани паники, нарастаемой рассказами беженцев, действительность искажалась, и слухи побеждали факты и здравый смысл. По городу ползли жуткие истории о кошмарнейших зверствах. Русских описывали узкоглазыми монголами, безжалостно и без раздумий убивающими женщин и детей. Говорили, что священников заживо сжигают огнеметами, монахинь насилуют, а потом голыми гоняют по улицам. Пугали, что женщин превращают в проститутку, переезжающих вслед за воинскими частями, а мужчин отправляют на каторгу в Сибирь. Даже по радио как-то передали, что русские прибывали языки жертв в столпам»².

По свидетельству австралийского военного корреспондента Осмара Уайта, «геббельсовская пропаганда <...> вбила в головы немцев параноидальный страх перед «ордами с Востока». Когда Красная

Армия подошла к окраинам Берлина, волна самоубийств захлестнула город. По некоторым подсчетам, в мае-июне 1945 года от 30 до 40 тысяч берлинцев добровольно ушли из жизни»⁴. В своих дневниках он писал о том, что «в русофобии не было ничего нового. Войска сталкивались с этим всю дорогу от Рейна по мере того, как встречали тысячи бегущих на Запад и охваченных паникой людей. Русские идут! Как бы то ни было, но нужно бежать от них! Когда удавалось расспросить кого-либо из них, почти всегда оказывалось, что они ничего не знают о русских. Им так говорили. Они слышали это от друга, брата или родственника, который служил на Восточном фронте... Ну, конечно, Гитлер врал им! Его теории о высшей расе были абсурдом, заявления о том, что британцы – это декаденты и что евреи – недочеловеки, питающиеся разложившимися мозгами, – враньем... Но, говоря о большевиках, фюрер был прав!»⁴

Тогда же инициативу в пропаганде антисоветских ужасов подхватили союзнические СМИ. Причем «антирусская истерия была настолько сильной, столько ходило вокруг историй о русских зверствах, что шеф англо-американского бюро по общественным связям (PR) нашел нужным собрать корреспондентов для того, чтобы дать «разъяснения»: «Запомните, – сказал он, – что среди немцев существует сильное и организованное движение, нацеленное на то, чтобы посеять семена недоверия между союзниками. Немцы убеждены, что им будет на пользу раскол между нами. Я хочу предупредить вас о том, чтобы вы не верили немецким историям о зверствах русских без тщательной проверки их достоверности...»⁴. Но назревала холодная война. И уже в 1946 г. в США выходит брошюра Остина Эппа «Изнасилование женщин завоеванной Европы».

В 1947 г. Ральф Киллинг выпускает в Чикаго книгу «Ужасная жатва. Дорого-

стоящая попытка истребить народ Германии», в основу которой легли сообщения прессы о «бесчинствах в советской зоне оккупации» и материалы слушаний в американском парламенте, посвященных действиям Красной Армии в послевоенной Германии.

Риторика последней особенно показательна: «С Востока пришли большевизированные монгольские и славянские орды, немедленно насилующие женщин и девушек, заражая их венерическими заболеваниями, оплодотворяя их будущей расой русско-германских полукровок...»⁵.

Следующие заметные публикации на эту тему – книги немца Эриха Кубе «Русские в Берлине, 1945» и американца Корнелиуса Райэна «Последняя битва: Штурм Берлина глазами очевидцев»; обе выходят в середине 60-х. Здесь возрастной диапазон жертв увеличивается даже в сравнении с заявлениями Геббельса: в полосе наступления Красной Армии «каждой женщине от восьми до восьмидесяти лет грозит изнасилование»². Впоследствии именно эта цифра регулярно будет «всплывать» в публикациях западных СМИ уже в начале XXI столетия. Впрочем, задаваясь вопросом, «сколько женщин было изнасиловано», и признавая, что «этого никто не знает», Райан говорит, будто «врачи приводят цифры от 20 000 до 100 000»². По сравнению с теми цифрами, о которых заявят его последователи, эти покажутся невероятно скромными...

Новый всплеск интереса к «изнасилованной Германии» происходит в начале 90-х годов после развала СССР.

Так, «в объединенной Германии с поспешностью начали печатать книги и снимать фильмы, клеймящие Красную Армию и коммунистов, за «преступления 1945 года».

Например, знаменитый документальный фильм «Освободители и освобожденные. Война, насилия, дети» (1992 г.), снятый Хелке Зандер и

Барбарой Йор, где видеоряд из военной хроники, записи воспоминаний в соединении с музыкальным сопровождением производят на зрителя сильнейшее эмоциональное воздействие»⁵.

В том же году в Мюнхене выходит одноименная книга, на которую впоследствии активно будет ссылаться Энтони Бивор. Среди наиболее известных – опубликованная в 1994 г. в Нью-Йорке работа Алфреда де Заяс «Ужасная Месть: Этническая чистка восточноевропейских немцев, 1944–1950» и в 1995 г. в Гарварде – Норманна М. Неймарка «Русские в Германии. История советской зоны оккупации. 1945–1949».

Ну, и так далее.

У нас в стране данная тема слегка затравивалась современперестройки и гласности в связи с упоминаниями о ней в произведениях именитых диссидентов Александра Солженицына и Льва Копелева. Но настоящий информационный бум начался в середине 2000-х годов, когда «вал антироссийских книг достаточно быстро перенесся в газеты соответствующей направленности, которые с радостью принялись воспроизводить к различным военным юбилеям описания ужасов «изнасилованной Германии»⁵. Особенно модной тема стала после выхода в 2002 г. книги «Падение Берлина. 1945» английского историка Энтони Бивора⁶, который назвал «совершенно фантастические данные о численности женщин, ставших жертвами советских солдат»⁵. После издания книги на русском языке миф о массовых изнасилованиях стал активно муссироваться в российской либеральной прессе и в русскоязычном Интернете.

Очень скоро стало ясно, что обвинения Красной Армии в преступлениях против мирного населения Германии и призывы к современной России «осознать и покаяться» знаменуют новый этап борьбы за историю Второй мировой войны и пересмотр в ней роли Советского Союза.

«Научные» методы г-на Э. Бивора и К^о

В этом контексте мифология относительно массового изнасилования немецких женщин советскими военно-

Пик массированных атак на роль СССР во Второй мировой войне пришелся на 2005 г. – год 60-летия Победы. Особенно активно на этот информационный повод отреагировали западные средства массовой информации. Так, Константин Эггерт из Би-би-си сетовал на то, что «война остается единственным светлым пятном советского периода истории для большинства населения России, и потому объявлена вне зоны критического исследования и дискуссии...». И, призывая Россию к «переосмыслению прошлого», довольно откровенно намекал, что «только глубокий общенациональный кризис способен сегодня вернуть россиян к ситуации конца восьмидесятых годов, когда кипела прерванная в девяностых дискуссия о советской истории»⁷.

В специальном обзоре «РИА Новости», подготовленном на основе мониторинга теле- и радиозифира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г., констатировалось: «Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на субъективную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с мстостью, ненавистью и насилием, мало способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие “темной стороны” освободительного подвига Красной Армии, которую якобы замалчивают в современной России»⁸.

служащими якобы при отсутствии подобных фактов в зоне наступления западных союзников заняла особое место

и активно обсуждалась западными СМИ. В частности, упомянутая книга Энтони Бивора «Падение Берлина, 1945» еще в 2002 г. вызвала целую серию скандальных публикаций.

Так, в газете *The Daily Telegraph* в статье под красноречивым названием «Войска Красной Армии насильовали даже русских женщин, которых они освобождали из лагерей», говорилось: «Советские солдаты рассматривали изнасилование, нередко осуществлявшееся на глазах мужа и членов семьи женщины, как подходящий способ унижения немецкой нации, считавшей славян низшей расой, сексуальные контакты с которой не поощрялись. Российское патриархальное общество и привычка к разгульным кутежам также сыграли свою роль, но более важным было негодование при виде относительно высокого благосостояния немцев»⁹.

Статья вызвала гневное письмо в редакцию посла Российской Федерации в Великобритании Григория Карасина от 25 января 2002 г.¹⁰

О «научной добросовестности» английского автора можно судить по конкретному примеру. Наибольший ажиотаж в западных СМИ вызвал следующий текст: «Наиболее шокирующими, с российской точки зрения, выглядят факты насилия советских солдат и офицеров, совершенные против украинских, русских и белорусских женщин и девушек, освобожденных из немецких рабочих лагерей...» со ссылкой на мою книгу «Психология войны в XX веке. Исторический опыт России»¹¹.

В монографии автора статьи читаем то, что косвенно можно отнести к вопросу, затронутому г-ном Бивором: «Мировоззренческие установки и проистекавшие из них нравственные и социально-психологические качества проявлялись и в отношении к врагу. Уже весной 1942 г. в одной из дивизионных газет Карельского фронта встречается очерк красноармейца под красноречивым заголовком «Мы научились ненавидеть». И эта справедливая ненависть была одним из доминирующих чувств в действующей Советской Армии на всем протяжении войны.

Однако в зависимости от конкретного этапа и связанных с ним условий отношение к противнику приобретало различные оттенки. Так, новая, более сложная гамма чувств стала проявляться у советских солдат и офицеров в связи с перенесением боевых действий за пределы нашей страны, на чужую, в том числе вражескую, территорию. Немало военнослужащих считало, что в качестве победителей они могут позволить себе все, в том числе и произвол в отношении мирного населения.

Негативные явления в армии-освободительнице наносили ощутимый урон престижу Советского Союза и его вооруженным силам, могли отрицательно повлиять на будущие взаимоотношения со странами, через которые проходили наши войска. Советскому командованию приходилось вновь и вновь обращать внимание на состояние дисциплины в войсках, вести с личным составом разъяснительные беседы, принимать особые директивы и издавать суровые приказы. Советский Союз должен был показать народам Европы, что на их землю вступила не «орда азиатов», а армия цивилизованного государства. Поэтому чисто уголовные преступления в глазах руководства СССР приобретали политическую окраску. В этой связи по личному указанию Сталина было устроено несколько показательных судебных процессов с вынесением смертных приговоров виновным, а органы НКВД регулярно информировали военное командование о своих мерах по борьбе с фактами разбоя в отношении мирного населения»¹¹.

Ну и где здесь «факты насилия советских солдат и офицеров, совершенные против украинских, русских и белорусских женщин и девушек, освобожденных из немецких рабочих лагерей»?

Может быть, г-н Бивор имел в виду, что об этом говорится в работе М.И.Семиряги, на которую я ссылаюсь? Но и там ничего подобного нет: ни на страницах 314–315, ни на каких других!

Однако на Западе заявления г-на Бивора рассматривают как абсолютно достоверные.

Так, К.Эггерт в статье «Память и правда», написанной в 2005 г. для проекта Би-би-си к 60-летию окончания Второй мировой войны, писал: «Когда в 2002 году в Лондоне впервые вышла книга Энтони Бивора “Падение Берлина”

(ныне она переведена в России издательством АСТ), российский посол в Великобритании Григорий Карасин написал гневное письмо в газету "Дейли телеграф". Дипломат обвинил известного военного историка в клевете на славный подвиг советских солдат. Причина? Бивор, основываясь на документах из главного военного архива в Подольске, рассказал, среди прочего, о бесчинствах, которые творили советские военнослужащие в освобождаемой Польше, Восточной Пруссии и в самом Берлине... Историки из Российской академии наук книгу "Падение Берлина" осудили едва ли не раньше посла... Между тем справочный аппарат книги Бивора в полном порядке: входящие и исходящие номера донесений, папка, полка и так далее. То есть во лжи писателя не обвинишь⁷.

Но если столь явная подтасовка допущена в данном конкретном примере, где гарантии того, что и другие приведенные в книге г-на Бивора так называемые факты не сфабрикованы по той же самой «методике»? На этом нехитром расчете построены многие фальсификации: справочный аппарат выглядит солидно и убедительно, особенно для неискушенного читателя, а проверять в архиве и библиотеке каждую из 1007 авторских сносок вряд ли кто станет...

Впрочем, некоторые проверяют – и находят много интересного. Именно с легкой руки Бивора была запущена и впоследствии растиражирована в тысячах публикаций «точная статистика» – два миллиона изнасилованных немцев, из них сто тысяч – в Берлине.

В своей книге он пишет: «Берлинцы помнят пронзительные крики по ночам, раздававшиеся в домах с выбитыми окнами. По оценкам двух главных берлинских госпиталей, число жертв изнасилованных советскими солдатами колеблет-

ся от девяноста пяти до ста тридцати тысяч человек. Один доктор сделал вывод, что только в Берлине было изнасиловано примерно сто тысяч женщин. Причем около десяти тысяч из них погибло в основном в результате самоубийства.

Число смертей по всей Восточной Германии, видимо, намного больше, если принимать во внимание миллион четыреста тысяч изнасилованных в Восточной Пруссии, Померании и Силезии. Представляется, что всего было изнасиловано порядка двух миллионов немецких женщин, многие из которых (если не большинство) перенесли это унижение по нескольку раз⁶.

При этом он ссылается на книгу Хельке Зандер и Барбары Йор «Освободители и освобожденные»¹², где подсчеты делаются на данных не «двух главных берлинских госпиталей», а одной детской клиники^{5, 13}, т.е. «для добавления солидности» совершает вполне сознательное передергивание. Не говоря уже о том, что эти данные весьма сомнительны, так как система расчетов Барбары Йор, основанная на произвольной экстраполяции числа детей, чьими отцами названы русские, рожденных в 1945 и 1946 гг. и обследованных в одной берлинской клинике, на общее количество женского населения Восточной Германии в возрасте «от 8 до 80 лет», не выдерживает никакой критики*. Результат такого «обобщения» единичных случаев подразумевает, что «каждая 6-я восточная немка вне зависимости от возраста была минимум один раз изнасилована красноармейцами»¹³.

Но даже там, где Э.Бивор ссылается на реальные архивные документы, это ничего не доказывает. В Центральном архиве Министерства обороны РФ действительно хранятся материалы поли-

* С 1.09 по 31.12.1945 г. – 12 новорожденных детей из общего числа 237 обследованных в детской клинике «Императрица Августа Виктория» г. Берлина признаны «русскими», причем лишь в пяти случаях указано «изнасилование»; с 1.01. по 31.12.1946 г. – 20 из 567 новорожденных признаны «русскими», причем изнасилование указано в четырех случаях, однако Йор распространяет категорию изнасилованных матерей на всех, чьи дети рождены от русских¹³.

тотделов с донесениями, в которых собраны протоколы красноармейских, комсомольских и партийных собраний с описанием случаев девиантного поведения военнослужащих. Это пухлые папки, содержимое которых представляет собой сплошную чернуху.

Но они и комплектовались именно «тематически», о чем свидетельствуют сами их названия: «Чрезвычайные происшествия и аморальные явления» за такой-то период в такой-то воинской части. Кстати, уже эти названия показывают, что такого рода явления рассматривались армейским руководством не как поведенческая норма, а как чрезвычайное событие, требующее принятия решительных мер.

Есть в архиве и материалы военных трибуналов – следственные дела, приговоры и пр., где можно найти множество негативных примеров, потому что именно там такая информация и сконцентрирована. Но дело в том, что виновные в этих преступлениях составляли не более 2% от общего числа военнослужащих. А авторы, подобные г-ну Бивору, распространяют свои обвинения на всю Советскую Армию в целом. К сожалению, не только зарубежные¹⁴. Примечательно, что книга Бивора была переведена на русский язык и издана в России в 2004 г. – как раз накануне юбилея Победы.

В 2005 г. последовала очередная «разоблачительная сенсация» от бывших союзников по антигитлеровской коалиции: «...на Западе во всю мощь пропагандируется новая книга британского военного историка Макса Гастингса “Ар-

магеддон: Битва за Германию, 1944–1945”, посвященная преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Историк рисует буквально ритуальное возмездие, чинимое Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его “первобытным “изнасилованием” целой нации”»¹⁵.

В 2006 г. на русском языке выходит книга немецкого автора Иоахима Гофмана «Сталинская истребительная война (1941-1945 гг.). Планирование, осуществление, документы»¹⁶, широко распространявшаяся за рубежом с середины 90-х годов и только в Германии выдержавшая четыре издания. При этом в предисловии к русскому изданию говорится, что данный труд «является одним из лучших исторических исследований “темных пятен” советско-германской войны», а его автор – «одним из наиболее ярких представителей направления западногерманской исторической науки, отстаивавшей постулат, что в 1941–1945 годах война велась между двумя преступными режимами: гитлеровской Германией и сталинским СССР».

Естественно, несколько глав посвящено последним месяцам войны под вполне определенным ракурсом, о чем свидетельствуют их названия: «“Ни пощады, ни снисхождения”». Зверства Красной Армии при продвижении на немецкую землю», «Горе тебе, Германия!» Злодеяния находят свое продолжение». Перечень литературы такого рода, возрождающей дух и букву геббельсовской пропаганды в новых исторических условиях, можно продолжать довольно долго.

Информационная война в электронных СМИ

Настоящая информационная война развернулась на просторах русскоязычного Интернета.

Так, в мае 2005 г. некий Ю.Нестеренко написал статью «День национального позора»,

инициировав бессрочную акцию “Антипобеда”, в рамках которой распространяются «многочисленные свидетельства о чудовищных преступлениях советских “воинов-освободителей” (нередко превосходивших по жестокости худшие деяния нацистов)»: «...Вместо того что-

бы раздувать очередную пропагандистскую историю и требовать от изнасилованных благодарности за доставленное удовольствие, надо покончить с практикой многолетней лицемерной лжи и двойных стандартов, прекратить чествования служителей преступного режима и покаяться перед всеми, кто безвинно пострадал от действий "солдат-освободителей"¹⁷ – таков основной посыл организатора акции.

В мае 2009 г., также в канун Дня Победы появился провокационный пост А. Широпаева «Могилы Неизвестного Насильника»¹⁸, выставяющий наших ветеранов насильниками-педофилами, который получил огромное количество комментариев и продолжительное время висел в топе Яндекса¹⁹.

На «Википедии» многие страницы прямо или косвенно посвящены теме изнасилований в конце войны: «Насилие в отношении мирного населения Германии (1945 г.)», «Депортация немцев после Второй мировой войны», «Немецкое население в Восточной Пруссии после Второй мировой войны», «Убийство в Неммерсдорфе», «Падение Берлина. 1945» и др.

А радиостанция «Эхо Москвы» (2009 г.) в программе «Цена Победы» дважды проводила передачи на «болезненные темы» – «Вермахт и РККА против мирного населения» (16 февраля) и «Красная Армия на немецкой территории» (26 октября)²⁰, пригласив в студию Г.Бордюгова и скандально известного М.Солонина.

Наконец, в 2010 г., в год 65-летия Победы, поднялась очередная антироссийская волна, прокатившаяся по всей Европе и особенно заметная в Германии.

«Иногда в русском Интернете проскакивает жалостливая мысль, что немцы такие бедные, устали каяться, – пишет на «Правая.ру» А. Тюрин. – Волноваться не надо, даже при бундесканцлере-антифашисте Вилли Брандте Германия не извинилась за свои преступления, совершенные в России».

И делится с читателями своими наблюдениями: «Пока немецкий канцлер смотрела на Парад Победы, в Германии бушевала русофобская вакханалия. Русские, победившие Гитлера, были показаны ордой недочеловеков – вполне по лекалам Геббельса... Три дня подряд смотрел передачи по немецким государственным и

коммерческим информационным каналам, посвященные окончанию Второй мировой войны в Европе и первым послевоенным неделям. Передач немало, как документальных, так и художественных. Общий лейтмотив такой. Американцы – гуманисты, кормильцы. ...Русские же – грабители и насильники. Тема преступлений вермахта против гражданского населения СССР отсутствует. Количество погибших советских людей в зоне немецко – румынско - финской оккупации не приводится...

Взяв Берлин, русские кормят бедных берлинцев плохо, доводят до дистрофии, зато тащат все подряд и насилуют.

И тут характерен художественный телесериал «Одна женщина в Берлине» (центральный канал ZDF). Русские показаны не армией, а ордой. ...На фоне тонких бледных одухотворенных немецких лиц эти ужасные русские морды, разъяленные рты, толстые щеки, сальные глазки, гадкие улыбочки. ...Орда именно русская, никаких нацменов, кроме одного солдата-азиата, которого русские кличут «эй, монгол»²¹.

Подобные пропагандистские клише, выплеснувшиеся в искусство, эмоционально воздействуют на зрителей, прочно закрепляются в массовом сознании, формируют не только искаженный «ретроспективный» взгляд на события Второй мировой войны, но и образ современной России и русских.

При этом в результате мощной информационной войны сам термин «освободительная миссия» подвергается наиболее яростным нападкам антироссийских сил как на Западе, так и внутри страны. Желание переписать историю Второй мировой исходит и из государств бывшего соцлагеря, оказавшихся сегодня членами НАТО, и из бывших союзных республик СССР, тяготеющих к Западу, и из стран – бывших противников СССР во Второй мировой войне, и из стран – бывших союзников по антигитлеровской коалиции.

Общий лейтмотив этих нападков – попытка подмены «освобождения» «оккупацией», стремление представить освободительную миссию СССР в Европе как

«новое порабощение» стран, оказавшихся в сфере советского влияния, обвинения не только в адрес СССР и Советской Армии, но и в адрес России как правопреемницы Советского Союза в насаж-

дении тоталитарных режимов в Центральной и Восточной Европе, в преступлениях против гражданского населения, требования к ней «покаяться» и «возместить ущерб».

Границы ненависти, пределы мести

Однако мораль войны совершенно иная, нежели мораль мирного времени. И оценивать те события можно только в общем историческом контексте, не разделяя и уж тем более не подменяя причину и следствие. Нельзя ставить знак равенства между жертвой агрессии и агрессором, особенно таким, целью которого было уничтожение целых народов. Фашистская Германия сама поставила себя вне морали и вне закона. Стоит ли удивляться актам стихийной мести со стороны тех, чьих близких она хладнокровно и методично уничтожала в течение нескольких лет самыми изощренными и изуверскими способами?

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были – не могли не быть! – психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи.

В январе-феврале 1945 г. советские войска развернули Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую наступательные операции и вступили на немецкую землю. «Вот она, проклятая Германия!» – написал на одном из самодельных щитов около сгоревшего дома русский сол-

дат, первым перешедший границу²². День, которого так долго ждали, наступил. И на каждом шагу встречались советским воинам вещи с нашими фабричными клеймами, награбленные гитлеровцами; освобожденные из неволи соотечественники рассказывали об ужасах и издевательствах, которые испытали в немецком рабстве. Немецкие обыватели, которые поддержали Гитлера и приветствовали войну, беззастенчиво пользовались плодами грабежа других народов, не ожидали, что война вернется туда, откуда она началась – на территорию Германии. И теперь эти «гражданские» немцы, испуганные и заискивающие, с белыми повязками на рукавах, боялись смотреть в глаза, ожидая расплаты за все, что совершила их армия на чужой земле.

Жажда мести врагу «в его собственном логове» была одним из доминирующих настроений в войсках, тем более что оно долго и целенаправленно подпитывалось официальной пропагандой.

Еще накануне наступления в боевых частях проводились митинги и собрания на тему «Как я буду мстить немецким захватчикам», «Мой личный счет мести врагу», где вершиной правосудия провозглашался принцип «Око за око, зуб за зуб!».

Однако после выхода нашей армии за государственную границу СССР у советского правительства появились соображения иного рода, диктовавшиеся планами на послевоенное устройство в Европе.

Политическая оценка «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается» (При-

каз № 55 Наркома обороны от 23 февраля 1942 г.) была активно взята на вооружение пропагандой и имела немалое значение для формирования новой (а в сущности, реанимированной старой, довоенной) психологической установки советских людей в отношении противника²³.

Но одно дело умом понимать эту очевидную истину, и совсем другое – стать выше своего горя и ненависти, не дать волю слепой жажде мести. Последовавшие в начале 1945 г. разъяснения политотделов о том, «как следует себя вести» на территории Германии, явились для многих неожиданностью и часто отвергались.

Вот как вспоминал об этом писатель-фронтвик Д.Самойлов: «Лозунг «Убей немца!» решал старинный вопрос методом царя Ирода. И все годы войны не вызывал сомнений. «Разъяснение» 17 апреля (статья Александрова, тогдашнего руководителя нашей пропаганды, где критиковалась позиция Ильи Эренбурга – «Убей немца!» – и по-новому трактовался вопрос об ответственности немецкой нации за войну) и особенно слова Сталина о Гитлере и народе как бы отменяли предыдущий взгляд. Армия, однако, понимала политическую подоплеку этих высказываний. Ее эмоциональное состояние и нравственные понятия не могли принять помилования и амнистии народу, который принес столько несчастий России»²⁴.

Закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали в то время и сами немцы.

Вот что записал в своем дневнике 15 апреля 1945 г. о настроении берлинского населения 16-летний Дитер Борковский: «...В полдень мы отъехали в совершенно переполненном поезде городской электрички с Анхальтского вокзала. С нами в поезде было много женщин – беженцев из занятыми русскими восточных районов Берлина. Они тащили с собой все свое имущество: набитый рюкзак. Больше ничего. Ужас застыл на их лицах, злость и отчаяние наполняли людей! Еще никогда я не слышал таких ругательств...

Тут кто-то заорал, перекрывая шум: «Тихо!» Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два железных креста и золотой Немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил 4 танка в ближнем бою.

«Я хочу вам кое-что сказать, – кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. “Даже если вы не хотите слушать! Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие – русские, поляки, французы, чехи – и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!”. В поезде стало так тихо, что было бы слышно, как упала шпилька»²⁵.

Этот солдат знал, о чем говорил.

Акты мести были неизбежны.

Руководство Советской Армии принимало суровые меры против насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению, объявляя такого рода действия преступными и недопустимыми, а виновных в них лиц предавая суду военного трибунала вплоть до расстрела.

19 января 1945 г. Сталин подписал специальный приказ «О поведении на территории Германии»²⁶.

Приказ был доведен до каждого солдата. В его дополнение и развитие командование и политорганы фронтов, объединений и соединений составляли соответствующие документы.

Так, выйдя на земли Восточной Пруссии, 21 января 1945 г. командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К.Рокоссовский издал приказ № 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии.

27 января такой же приказ издал командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С.Конеv.

29 января во всех батальонах 1-го Белорусского фронта был зачитан приказ маршала Г. К. Жукова, который запрещал красноармейцам «притеснять немецкое население, грабить квартиры и сжигать дома».

20 апреля 1945 г. была принята специальная директива Ставки Верховного Главнокомандования о поведении советских войск в Германии²⁷. И хотя «предотвратить случаи насилия полностью не удалось, но его сумели сдержать, а затем и свести до минимума»²⁸.

На противоречия политических установок до и после вступления на вражескую территории обращали внимание и сами политработники.

Об этом свидетельствует выступление 6 февраля 1945 г. начальника Политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта А.Д.Окорокова на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главпура РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника: «...Вопрос о ненависти к врагу. Настроение людей сейчас сводится к тому, что говорили, мол, одно, а теперь получается другое. Когда наши политработники стали разъяснять приказ № 006, то раздавались возгласы: не провокация ли это? В дивизии генерала Кустова при проведении бесед были такие отклики: «Вот это политработники! То нам говорили одно, а теперь другое!»

Причем, надо прямо сказать, что неумные политработники стали рассматривать приказ № 006 как поворот в политике, как отказ от мести врагу. С этим надо повести решительную борьбу, разъяснив, что чувство ненависти является нашим священным чувством, что мы никогда не отказывались от мести, что речь идет не о повороте, а о том, чтобы правильно разъяснить вопрос.

Конечно, наплыв чувств мести у наших людей огромный, и этот наплыв чувств привел наших бойцов в логово фашистского зверя и поведет дальше в Германию. Но нельзя отождествлять месть с пьянством, поджогами. Я сжег дом, а раненых помещать негде. Разве это месть? Я бессмысленно уничтожаю имущество. Это не есть выражение мести. Мы должны разъяснить, что все имущество, скот завоеваны кровью нашего народа, что все это мы должны вывезти к

себе и за счет этого в какой-то мере укрепить экономику нашего государства, чтобы стать еще сильнее немцев.

Солдату надо просто разъяснить, сказать ему просто, что мы завоевали это и должны обращаться с завоеванным по-хозяйски. Разъяснить, что если ты убьешь в тылу какую-то старуху немку, то гибель Германии от этого не ускорится. Вот немецкий солдат – уничтожь его, а сдающегося в плен отведи в тыл. Направь чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя. И наши люди понимают это. Один сказал, что мне стыдно за то, что я раньше думал – сожгу дом и этим буду мстить.

Наши советские люди организованные и они поймут существо вопроса. Сейчас имеется постановление ГКО о том, чтобы всех трудоспособных немцев-мужчин от 17 до 55 лет мобилизовать в рабочие батальоны и с нашими офицерскими кадрами направлять на Украину и в Белоруссию на восстановительные работы. Когда мы по-настоящему воспитаем у бойца чувство ненависти к немцам, тогда боец на немку не полезет, ибо ему будет противно. Здесь нам нужно будет исправить недостатки, направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу»²⁹.

И действительно, пришлось немало потрудиться для изменения сформировавшейся ходом самой войны и предшествующей политической работы установок армии на месть Германии. Пришлось опять разводить в сознании людей понятия «фашист» и «немец».

«Политотделы ведут большую работу среди войск, объясняют, как надо вести себя с населением, отличая неисправимых врагов от честных людей, с которыми нам, наверное, еще придется много работать. Кто знает, может быть, еще придется им помогать восстанавливать все то, что разрушено войной, – писала весной 1945 г. работник штаба 1-й гвардейской танковой армии Е.С.Катюкова. – Сказать по правде, многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации.

Но дисциплина у нас строгая. Наверное, пройдут годы, и многое изменится. Будем, может быть, даже ездить в гости к немцам, чтобы посмотреть на нынешние поля боев. Но многое

до этого должно перегореть и перекипеть в душе, слишком близко еще все то, что мы пережили от гитлеровцев, все эти ужасы»³⁰.

Разного рода «чрезвычайные происшествия и аморальные явления» в частях наступающей Красной Армии тщательно фиксировались особыми отделами, военными прокурорами, политработниками, по возможности пресекались и строго наказывались. Впрочем, бесчинствовали в основном тыловики и обозники. Боевым частям было просто не до того – они воевали. Их ненависть выплескивалась на врага вооруженного и сопротивляющегося. А с женщинами и стариками «сражались» те, кто старался быть подальше от передовой.

Вспоминая бои в Восточной Пруссии, Лев Копелев, бывший политработник, впоследствии писатель и диссидент, рассказывал: «Я не знаю статистики: сколько там было среди наших солдат негодяев, мародеров, насильников, не знаю. Я уверен, что они составляли ничтожное меньшинство. Однако именно они и произвели, так сказать, неизгладимое впечатление»³¹.

Следует отметить, что многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с грабежами и насилиями. Их пресечению способствовали и суровые приговоры военных трибуналов. По данным военной прокуратуры, «в первые месяцы 1945 г. за совершенные бесчинства по отношению к местному населению было осуждено военными трибуналами 4148 офицеров и большое количество рядовых. Несколько показательных судебных процессов над военнослужащими завершились вынесением смертных приговоров виновным»³².

В то же время если мы обратимся к документам немецкой стороны, то увидим, что еще до начала войны против СССР было заранее объявлено, что «в борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права»³³, тем самым изначально допускались любые

нарушения международного права в будущих отношениях германских войск к мирному населению и советским военнопленным.

Как один из многочисленных примеров программных заявлений немецкого руководства процитируем Указ Гитлера как Верховного Главнокомандующего вермахта от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом: «За действия против вражеских гражданских лиц, совершенные военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком... Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск»³³.

Или вспомним знаменитую «Памятку немецкого солдата» (ставшую одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе), где звучали такие «гуманные» призывы: «Помни и выполняй: 1) ...Нет нервов, сердца, жалости – ты сделан из немецкого железа... 2) ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик... 3) ...Мы поставим на колени весь мир... Германец – абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»³⁴.

В этом состояла политика фашистского руководства Германии по отношению к «расово неполноценным народам», к числу которых оно относило и славян.

В отношении немецкого населения или военнопленных советское руководство никогда не ставило перед своей армией такого рода задач. Следовательно, мы можем говорить именно о единичных (особенно по сравнению с действиями немецкой стороны) нарушениях международного права в ведении войны. Причем все эти явления были стихийными, а не организованными и со

всей строгостью пресекались советским армейским командованием. И все же, как отмечал немецкий историк Рейнхард Рюруп, в терпящей поражении Германии «страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев. Действительно, в первые дни прихода Красной Армии ее бойцами допускались значительные эксцессы, ограбления, насилие.

Публицист Э. Куби не ошибался, когда, оглядываясь назад, заявлял, что советские солдаты могли бы вести себя и как «карающая небесная рать», руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению.

Многие немцы более или менее определенно знали, что именно произошло в Советском Союзе, и поэтому опасались мести или расплаты той же монетой. **...Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым – его не постигло правосудие»³⁵.**

Говоря о масштабах изнасилований в зоне ответственности советских войск, следует привести отрывок из доклада военного прокурора 1-го Белорусского фронта о выполнении директивы Ставки ВГК № 11072 и Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 00384 об изменении отношения к немецкому населению по состоянию на 5 мая 1945 г.: «Выполняя указания Военного Совета фронта, военная прокуратура фронта систематически следит за выполнением директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного Совета Фронта об изменении отношения к немецкому населению. Приходится констатировать, что факты грабежей, насилий и прочих незаконных действий со стороны наших военнослужащих в отношении местного немецкого населения не только не прекратились, но даже в период с 22 апреля по 5 мая продолжали иметь довольно широкое распространение.

Я привожу цифры, характеризующие это положение по 7 армиям нашего фронта: общее количество бесчинств со стороны военнослужащих в отношении местного населения, зафиксиро-

ванных по этим 7 армиям, 124, из них: изнасилований немецких женщин – 72, грабежей – 38, убийств – 3, прочих незаконных действий – 11»³⁶.

Подчеркнем, что это данные по 7 армиям фронта, штурмующего Берлин, в самый разгар городских боев, то есть 908,5 тыс. чел. личного состава на начало Берлинской операции, из числа которых 37,6 тыс. составили безвозвратные и 141,9 тыс. санитарные потери³⁷, – и лишь 72 случая изнасилований за две недели! Учитывая, что в дальнейшем число изнасилований и «прочих бесчинств», согласно материалам военной прокуратуры и трибуналов, пошло на снижение, цифра в 100 тыс. жителей Берлина, подвергшихся «надругательствам советских варваров», мягко говоря, не вытанцовывается. Не говоря уже о двух миллионах...

При этом по свидетельству Осмара Уайта, действия советской администрации по налаживанию жизни немецкого гражданского населения (сразу после завершения боев!) были куда эффективнее, чем у ее западных коллег. «В конце первого дня моего пребывания в Берлине, – записал он в своем дневнике, – я был уверен, что город мертв. Человеческие существа не могли жить в этой ужасающей гряде мусора.

К концу первой недели мои представления начали меняться.

Общество стало оживать среди развалин. Берлинцы начали получать пищу и воду в количествах, достаточных для того, чтобы выжить. Все больше и больше людей были заняты на общественных работах, проводимых под руководством русских.

Благодаря русским, имеющим большой опыт борьбы с подобными проблемами в своих собственных опустошенных городах, распространение эпидемий было поставлено под контроль.

Я убежден в том, что Советы в те дни сделали больше для того, чтобы

дать Берлину выжить, чем смогли бы сделать на их месте англо-американцы.

Русские методы поддержания порядка и достижения результатов в самом существенном не имели такого сдерживающего фактора, как прекраснотушие. Они понимали психологию массы и знали, что чем быстрее берлинцы вдохновятся идеей помочь самим себе, тем лучше будет для всех. Через несколько дней после капитуляции они поддержали идею выпуска газет. Затем восстановили радиовещание, разрешили организацию развлекательных мероприятий и объявили, что утвердят создание профсоюзов и демократических политических партий...»⁴.

Далее он пишет, акцентируя внимание на реакции самих немцев: «Радио, газеты, политика, концерты... Русские мудро подпитывали возрождение в пустыне отчаяния. Они проявили великодушие к последователям чудовища, лежавшего в своей берлоге под горами щецбня. Но берлинцы не смотрели на мир так, как этого хотелось бы русским. Везде был слышен шепот: «Слава Богу, что вы – британцы и американцы – пришли сюда... Русские – это животные, ...они отобрали у меня все, что было... они насилуют, воруют и расстреливают...»⁴.

В этой связи стоит привести рассказ одного ветерана, минометчика Н.А. Орлова, потрясенного поведением немцев (и немок) в 1945 г.: «Никто в минбате не убивал гражданских немцев. Наш особист был «германофил». Если бы такое случилось, то реакция карательных органов на подобный эксцесс была бы быстрой. По поводу насилия над немецкими женщинами. Мне кажется, что некоторые, рассказывая о таком явлении, немного «сгущают краски». У меня на памяти пример другого рода.

Зашли в какой-то немецкий город, разместились в домах. Появляется фрау,

лет 45-ти и спрашивает «герра коменданта». Привели ее к Марченко. Она заявляет, что является ответственной по кварталу, и собрала 20 немецких женщин для сексуального (!!!) обслуживания русских солдат. Марченко немецкий язык понимал, а стоявшему рядом со мной замполиту Долгобородову я перевел смысл сказанного немкой. Реакция наших офицеров была гневной и матерной. Немку прогнали, вместе с ее готовым к обслуживанию «отрядом».

Вообще немецкая покорность нас ошеломила. Ждали от немцев партизанской войны, диверсий. Но для этой нации порядок – «Орднунг» – превыше всего. Если ты победитель – то они «на задних лапках», причем осознанно и не по принуждению. Вот такая психология.

Еще раз говорю, я не помню, чтобы кто-то из моей роты изнасиловал немку. В минроте народу немного, такие бы «деяния» рано или поздно, стали бы известными для своих товарищей. Язык мой – враг мой, кто-нибудь из своих бы сболтул чего, главное – чтобы не особисту...»³⁸.

Продолжая тему «немецкой покорности», следует привести еще несколько документов.

В донесении замначальника Главного Политического управления Красной Армии Шикина в ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрову от 30 апреля 1945 г. об отношении гражданского населения Берлина к личному составу войск Красной Армии говорилось: «Как только наши части занимают тот или иной район города, жители начинают постепенно выходить на улицы, почти все они имеют на рукавах белые повязки. При встрече с нашими военнослужащими многие женщины поднимают руки вверх, плачут и трясутся от страха, но как только убеждаются в том, что бойцы и офицеры Красной Армии совсем не те, как им рисовала их фашистская пропаганда, этот страх быстро проходит, все больше и больше населения выходит на улицы и предлагает свои услуги, всячески стараясь подчеркнуть свое лояльное отношение к Красной Армии»³⁹.

Практичных немцев больше всего волновал вопрос о снабжении продовольствием, ради него они готовы были буквально на все.

Так, некий доктор медицины Калистурх в разговоре со своими коллегами по вопросу отношения Красной Армии к немецкому населению заявил: «Нельзя скрывать, что я лично видел нехорошее отношение отдельных русских солдат к нашим женщинам, но я говорил, что в этом виновата война, а самое главное то, что наши солдаты, и особенно эсэсовцы вели себя по отношению к русским женщинам гораздо хуже. – И тут же без перехода добавил: – Меня очень волновал продовольственный вопрос...»⁴⁰.

Один чиновник в разговоре с другим сказал: «Русские начали не совсем хорошо, часы с меня

сняли, но если нормы дадут, то проживем и без часов»³⁹.

Наконец, следует отметить интересную реакцию населения одного из районов Берлина в связи с распространившимся слухом о прекращении выдачи продовольствия.

4 июня 1945 г. И.Серов докладывал Л.Берия: «28 мая в районе Пренцлаунсберг из одного дома был произведен выстрел в дежурного красноармейца комендатуры. Выброшенным на место нарядом часть жителей этого дома была взята в комендатуру, в связи с чем был пущен слух, что Красная Армия прекратит выдачу продовольствия населению. После этого в комендатуру явилось несколько делегаций от района с просьбой на площади публично расстрелять 30–40 заложников, но выдачу продовольствия не прекращать. Населению этого района было предложено разыскать виновного и доставить в комендатуру»⁴⁰.

Примечания

- ¹ Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи / пер. с нем. Смоленск, 1998. // URL: http://www.erlib.com/Йозеф_Геббельс/Дневники_1945_года_Последние_записи/5/, /13/, /22/.
- ² Райан К. Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев / пер. с англ. М., 2003. С. 23, 24, 427 // URL: http://militera.lib.ru/h/ryan_c/01.html
- ³ Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб.; М.: Полигон, АСТ, 1998. С. 536–537.
- ⁴ White O. Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945. Cambridge University Press, 2003 [1996]. XVII. P. 221. Все цитаты приводятся по переводу, размещенному на сайте URL: <http://www.argo.net.au/andre/osmarwhite.html>
- ⁵ Цит. по: Мендкович Н. Кто «изнасиловал Германию»? Актуальная история // URL: <http://actualhistory.ru/51>, <http://actualhistory.ru/52>, <http://actualhistory.ru/91>
- ⁶ Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. L.: Viking, 2002. Русское издание: Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004. С. 530–531.
- ⁷ Эггерт К. Память и правда // BBC Russian.com. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/newsid_4464000/4464595.stm
- ⁸ «Зверства» Красной Армии, или Кровавый след освобождения : Россия в зарубежном теле- и радиозэфире // РИА Новости. № 046. 2005. 6–19 апреля. С. 9.
- ⁹ Johnson D. Red Army troops raped even Russian women as they freed them from camps // The Daily Telegraph. 2002. 25 January.
- ¹⁰ Карасин Г. Ложь и инсинуации в статье, опубликованной в The Daily Telegraph. Письмо редактору The Daily Telegraph. 2002. 25 января // URL: <http://www.inosmi.ru/translation/140008.html>
- ¹¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 183–184.
- ¹² Sander H., Johr B. BeFreier und Befreite. Krieg, Vergewaltigung, Kinder. München, 1992.
- ¹³ Петров И. К вопросу о «двух миллионах» // URL: <http://labas.livejournal.com/771672.html?page=1#comments; awas1952>: Легенда о насильниках. Комментарий dr_van_mogg // URL: http://awas1952.livejournal.com/104346.html?thread=7611802#7611802; poltora_bobra – О том, как русские «насиловали» немцев // URL: <http://poltora-bobra.livejournal.com/42605.html>

- ¹⁴ Бордюгов Г. «Война все спешет»? Вермахт и Красная Армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения: доклад на Междунар. Науч. Конф. «Опыт мировых войн в истории России», 11 сентября 2005 г., Челябинск. URL: <http://www.aigo-xxi.ru/gb/doklady/doklad01.htm>
- ¹⁵ Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). М., 2005. С. 148, 157–158.
- ¹⁶ Гофман И. Сталинская война на уничтожение (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М., 2006.
- ¹⁷ Нестеренко Ю. День национального позора, или Кто победил во Второй мировой войне // URL: <http://yun.complife.ru/miscell/antivict.htm#article>
- ¹⁸ Ширинаев А. Могила Неизвестного Насильника // <http://shiropaev.livejournal.com/29142.html>
- ¹⁹ Дневник одной коровки – Сетевые глисты против Дня Победы. // URL: <http://kkatya.livejournal.com/272537.html>
- ²⁰ Бордюгов Г., Дымарский В., Захаров Д. Вермахт и РККА против мирного населения // Радиостанция «Эхо Москвы» /Передачи /Цена Победы /16.02.2009. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/572480-echo/>; Солонин М., Бордюгов Г., Дымарский В., Захаров Д. Красная Армия на немецкой территории // Радиостанция «Эхо Москвы» /Передачи /Цена Победы /26.10.2009. URL: <http://www.echo.msk.ru/guests/12328/>.
- ²¹ Тюрин А. Ревизионисты и паскуды (12 мая 2010 г.) // URL: <http://www.pravaya.ru/comments/18698>
- ²² Они сражались с фашизмом. М., 1988. С. 130–131.
- ²³ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 46.
- ²⁴ Самойлов Д. Люди одного варианта. (Из военных записок) // Аврора. 1990. № 2. С. 91.
- ²⁵ Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. В., 1992. С. 255.
- ²⁶ Цит. по: Мединский В. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 622* .
- ²⁷ Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995. С. 314–315; Российский Архив. Великая Отечественная война. Т. 15(4–5). Битва за Берлин. М., 1995. С. 220.

* В.Мединский ссылается на издание «Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны». М.: Воениздат, 1975.

Такой сборник документов выходил, но означенного приказа за 19 января 1945 г. там нет. Нет его и в других публикациях документов: ни в приказах Наркома Обороны СССР, ни в директивах Ставки Верховного Главнокомандования за 1945 г. (см.: Русский архив: Великая Отечественная война. Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13(2–3). М.: Терра, 1997; Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16(5–4). М.: Терра, 1999.).

В Центральном архиве Министерства обороны РФ текст приказа Сталина от 19 января 1945 г. «О поведении на территории Германии» также пока не обнаружен. Зато ссылками на него пестрят зарубежные издания, упоминали о нем диссиденты Л. Копелев и А. Солженицын. Неоспоримо доказано существование приказов командующих фронтами Жукова, Конева и Рокоссовского со сходным содержанием, датированных концом января 1945 г., и это косвенно подтверждает, что в каком-то виде (письменном – под грифом «совершенно секретно», или устном, что тоже возможно) такой приказ Сталина также существовал, но пока не найден подлинник, нельзя отвечать за точность его цитирования.

- ²⁸ Ржешевский О.А. Берлинская операция 1945 г.: дискуссия продолжается // Мир истории. 2002. № 4. Он же. «...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским» // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 31.
- ²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30–32.
- ³⁰ Жуков Ю. Солдатские думы. М., 1987. С. 337.
- ³¹ Огонек. 1989. № 36. С. 23.
- ³² Ржешевский О.А. «...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским» // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 31.
- ³³ Приказ Верховного командования вермахта от 6 июня 1941 г. относительно обращения с политическими комиссарами Советской Армии // Война Германии против Советского Союза 1941–1945. С. 46, 45.
- ³⁴ Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 5.
- ³⁵ Рюруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80–81.
- ³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 35. Л. 93–102.
- ³⁷ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 219.
- ³⁸ Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню» // URL: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-6.html>
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 10–12.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 203, 21, 205.

Подписка на 2012 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год